

Дмитрий Воцнин

Солнце, сердце и любовь

Skleněný můstek 2015

Дмитрий Воцинин

Солнце, сердце и любовь

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

...Перед его взором неожиданно явилась фигура в необычном двойном облики - человека и четырехкрылой птицы с окончаниями вместо ног в форме угрожающих змей. У человекоподобного тела две пары рук, одна распростерта вдоль крыльев: правая рука держит два ножа, левая - две змеи. Другая пара рук опущена вниз: правая сжимает символ жизни, левая - скипетр. Лицо фигуры с поднятыми руками напоминает бесовски раздраженного и одновременно завораживающего умудренного старика с диковинной головой, рогами и восемью ножами по овалу лица.

...Люди боятся смерти. Они бояться ее сейчас, а не когда-то потом. Потом это – неопределенное и не конкретное, просто где-то далеко. И человек не знает своей смерти; возможно он ее и не узнает даже, переходя в другое измерение. А увидят ее только окружающие, когда он безмятежно уснет.

© Дмитрий Вошинин 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-87940-62-4

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

ЭПИЛОГ

*«Судьба мира покоится в тебе»
Шумерская молитва*

Часть первая

Ясным ранним утром молодой фараон Эхнатон вышел через анфиладу дворца на широкую залитую солнцем площадку с мраморными колоннами. Вдыхая сухой и прозрачный воздух, он с благоговением простер свои ладони к небу, искрящему солнечное тепло.

– Твои сияющие глаза прекрасны, всесильный Атон! Что может быть лучше добрых, наполненных жизнью лучей!

Атоном он называл золотой диск солнца, который олицетворял в его сердце любовь к жене, своим детям, окружающим и незримым подданным и всему созданному природой земному пространству.

Молодой фараон сам назвал себя Эхнатоном или «Живым духом Атона», хотя имя по династии ему было предназначено – Аменхотеп IV.

После смерти отца случайно выживший в младенчестве по стечению необъяснимых жизненных обстоятельств, Аменхотеп IV получил в наследство невиданную доселе власть над Египтом. Но она вовсе глубоко не занимала его, и только духовное общение с любимым Атоном вызывало в нем неописуемую радость жизни и прилив творческой мысли.

– Каждое око глядит на тебя, мой гордый Атон! И познал Тебя в целом свете один Эхнатон, – продолжал свое приветствие молодой правитель.

Тихие смиренные шаги сзади предупреждали о появлении жреца, который каждое утро объяснял фараону влияние сил неба и земли. Как и все придворные, он знал, что молодой фараон –

человек нетрадиционных взглядов и даже не совсем чистых царских кровей.

В облике Эхнатона было, действительно, что-то неземное и загадочное. Его высокая, стройная фигура с громадной вытянутой кверху головой, необычной формы челюстью, выступающим вперед подбородком, выразительными толстыми губами и крупным чревом на фоне неба и яркого утреннего солнца вызывала у придворного поддобоострастное подчинение и трепетное уважение.

Жрец молчал, ожидая внимания правителя, и лишь когда взор фараона упал на него, негромко произнес:

– Луч пирамид не находит отклика, молчит и Великий Сфинкс,... а силы земного огня тревожат дух умерших и живых.

После краткого раздумья Эхнатон произнес:

– Пожалуй, нам не стоит ждать помощи оттуда.

Правитель показал на звездное небо над пирамидами.

– Мы уж давно без внимания... Только дыхание Атона с нами... Он понимает и не оставит нас.

Жрец с чувством выполненного долга поспешил удалиться из поля зрения повелителя. Фараон же, не глядя на удаляющегося жреца, прошелся до балюстрады и двинулся в сторону дворца. А прекрасная Нефертити уже шла ему навстречу:

– Я рада встречать утренний свет вместе с Вами, мой любимый Эхнатон!

Фараон радостно посмотрел на нее.

– Ты же знаешь, дорогая, что свет и тепло восходящего солнца несут божественную искру в каждое человеческое-сердце... Через нее мы познаем гармонию небес и ощущаем себя частью вселенной...

– Сегодня мне приснилась богиня Маат. С пером в руках она говорила мне о твоём бессмертии.

– Могущественная и справедливая Маат – сама истина проявления воли живого сердца. В нём свет духа и божественная истина бессмертия – любовь. Словно устремленные к нам доброжелательные руки она рождается от золотых лучей всемогущего Атона.

– Как ты прекрасно сказал, Эхнатон.

– Я задумал построить наполненную солнцем новую столицу Ахет-Атон, и в ней – дворец из белого, похожего на облако камня.

– Ты прав... Стены дворца надо покрыть орнаментными росписями, колонны с капителями в форме папируса и лотоса... Раскрасить и инкрустировать их цветным фаянсом, – мечтательно произнесла Нефертити, – А вокруг посадить цветущие сады... И тогда я возьму себе новое имя: Нефернефруатон.

Эхнатон с умилением посмотрел на свою обожаемую жену.

Было во всем этом духовное единство с ее мыслями, физическая радость очарования и понимания своей любимой половины.

– Великий Эхнатон, нельзя забывать, что на тебя устремлены тысячи глаз, и при всей твоей власти... они не всегда доброжелательны, – продолжала мудрая царица.

– Я знаю, дорогая... Но громадная власть губит сердце... А я хочу провозгласить независимую власть Единого Бога – Атона!

– Но невидимых врагов может уничтожить только сила власти.

– Только мне, фараону, предначертано видеть Священный кристалл и понять книги Тота... Я хочу быть проводником божественного миропорядка... Те, кто этого не понимает, никогда не постигнут истинную власть и могут принести лишь хаос... Без Атона – власть слишком груба, – Он перевел взгляд на жену, – Они, эти многие, как тень сфинкса, похожи на алчное чудовище и пожирателя мертвых – Аммита.

– Ты – фараон и можешь преодолеть все преграды, – восторженно произнесла царица.

– ... Я призван научить людей чувствовать в себе частицу Бога.

– Как это правильно и верно, дорогой!

Фараон посмотрел на небо и произнес:

– Только Атон знает, что я – Сын Божий и человеческий.

Уже несколько дней Роман Григорьевич задерживался на работе.

Вот и сегодня он проводил спокойным взглядом торопящихся домой сотрудников, оглядел просторный в восточном стиле с арочными проемами и расписными потолками офис. Опустив глаза, он направился к своему зашторенному прозрачной ширмой месту руководителя.

Просторный резной стол, небольшая стенка для документов и широкое-окно замыкали пространство этого подобия отдельного кабинета.

Роман Григорьевич выключил кондиционер, молчание которого сразу разрушило строгий распорядок рабочего дня.

Он приоткрыл окно и одиноко сел в массивное кресло. После дневной жары чувствовалось едва заметное дуновение обогревающего душу свежего воздуха с легким запахом цветения цитрусовых.

Перед глазами открывался сад с экзотическими деревьями на фоне безукоризненного газона и разрозненными кустами роз вдоль ограды.

Необычные для русского глаза пальмы, гранатовые, апельсиновые и фиговые деревья с их ажурными листьями за несколько лет жизни в этой стране стали для Романа Григорьевича привычным повседневным пейзажем.

Он достал початую бутылку виски, хрустальный бокал и наполнил его на треть. Огненно-прозрачная жидкость успокоилась в бокале и ловила остатки заходящего солнца. С удовольствием глядя на эти солнечные краски, он добавил содовой. После того, как напиток потерял яркость, он равнодушно взял его в руки и отвел взгляд опять за окно.

Роман Григорьевич сделал глоток и на минуту представил знакомую прохладу осеннего леса, речную рыбалку в тишине за-

ходящего солнца, вечернее чаепитие на веранде, радостные лица любимых внуков.

Глаза отдыхали от повседневных дел, но на душе все-таки было немного тревожно.

Он откинулся глубже в кресло.

Неделю назад пришла телеграмма, что ему присылают замену. Обычно замену ждут, но в этот раз дело было совсем не так: ему намекнули, что пора и на покой. Это было несколько неожиданно, поскольку он всего на два года пережил пенсионный возраст.

Роман Григорьевич раньше не задумывался о своем возрасте, в том числе и в части профессиональной деятельности, грубых ошибок в работе не допускал, не имел даже замечаний. Более того, московское-руководство его часто ставило в пример.

Из краткого сообщения следовало, что на его место назначен молодой незнакомый ему сотрудник практически из другой системы.

Времена нынче были непредсказуемы, и здесь вдалеке от столицы трудно было реально оценивать обстановку кадровых вопросов.

«Видно, кому-то понадобилось теплое место для своего родственника или знакомого», – думал про себя Роман Григорьевич.

Не трудно было представить, что новый преемник наверняка не имеет опыта подобной работы.

После определенных политических и экономических потерь, обрушившихся на нашу когда-то процветающую и верящую в незыблемость своих поисков страну, ему было горько ощущать себя с накопленными знаниями не востребованным или оцененным формально и вовсе не по достоинству.

«Руководство могло бы обсудить этот вопрос со мной во время командировки в Москве три месяца назад», – продолжал он рассуждать.

Но в памяти этого периода остались только доброжелательные улыбки и стандартные напутствия. Напрягало в связи с этим отсутствие простого человеческого участия.

Хотя искренность в профессиональных отношениях у нас в моде никогда не была, все-таки такого формализма он раньше не

мог себе представить. И сейчас его доставали эти неприятные мысли.

Он вспомнил, как сам первый раз попал за границу. За спиной был институт, академия, неплохое знание английского. Кругом тогда были добрые старшие товарищи, которые прощали первые ошибки и назидательно учили быть самостоятельным. Теперь он был готов к этому сам, но раздражали, как сейчас принято говорить, «новые» подходы в работе. В отличие известной всем стратегии прошлых лет, поражало отсутствие доступной информации в планах государства. Она распространялась на определенных уровнях организационных структур, и не каждый мог осознать суть задуманного. Бросалось в глаза, что все решали «большие» деньги с далеко не государственным интересом.

Смена курса ставила под сомнение правильность и необходимость всего предшествующего созидательного периода и, в конечном счете, ставила под сомнение и деятельность его быстро пробежавшей жизни.

«Как можно объяснять то, что на его должность ставят человека совершенно неискушенного в этой области?» – невольно отдавалось болью в его голове. Беспокойство гасилась очередным плотком.

Роман Григорьевич, конечно, понимал, что являлся инструментом и исполнителем той большой работы страны и привык доверять руководству. В распоряжении его ведомства ранее присутствовал немалый экономической отдел, постоянная работа которого позволяла корректировать и координировать тактику работы с развивающейся страной. Сейчас отдел был расформирован, хотя остались знающие страну люди, которые руководствовались общепринятыми мировыми тенденциями. Образовались договорные отношения с заинтересованными российскими организациями, на которых и держалась экономическая основа содержания торгового представительства.

Качество работы и значимость представительства снизилась, но по инерции оставались ранее построенные проекты, которые развивались, эксплуатировались и оставляли реальную надежду

на будущее. Иностранного же заказчика со временем отучали надеяться на участие в новых проектах. И все же его внимание к сотрудничеству с нашей страной оставалось, хотя и заметно поостыло. Реальные результаты всего этого были наглядны: страна теряла экономическое-и политическое-влияние в регионе.

Китайское-же представительство, как и многих других стран, за счет нашей пассивности набирало силу и захватывало все большие объемы сотрудничества.

Допив виски, Роман Григорьевич закрыл офис и через сад медленно пошел в свою квартиру. Одному сидеть дома ему не хотелось. Бывшие соседи, с которыми он поддерживал дружеские отношения, после очередного сокращения уехали в Санкт-Петербург.

Легко поужинав, он решил прогуляться по многолюдным улицам Замалика. Ноги сами понесли к построенному Эйфелем мосту через Нил. Он миновал шумный от потока машин переход над водным пространством и продолжал свою прогулку, сливаясь с толпой разноликих арабов.

Жизнь здесь кипела практически круглосуточно. За время пребывания в этой стране он смог приглядеться и отмечал своеобразную размеренную жизнь египтян. Казалось бы, малограмотный народ, немного шумно выражающий свои эмоции, но вовсе не забитый, как казалось на первый взгляд. Со временем он стал понимать и ощущать, что этот народ очень непосредственен в своих эмоциях и не желает жить без них. В этих простых арабах заключена громадная сила предков непонятой цивилизации, которая удивляет мир своей величественной загадочностью.

Роман Григорьевич шел, продолжая смотреть вокруг. Поражало мирное сочетание фешенебельных отелей, современных – из стекла и бетона – зданий и многочисленных разношерстных рынков с маленькими лавчонками, наполненными разнообразными порой даже немислимыми товарами на раскинутых под самое небо импровизированных витринах.

Он не любил богатые лавки и редко заходил в них после отъезда жены. От них веяло каким-то тихим лилейным западным

двурушничеством с равнодушными и заискивающими глазами продавцов, сияющими от блеска товаров прилавками, и тихим размеренным шелестом денежных знаков.

Думая о том, что может надолго покинуть эти места, он не без удовольствия шел по улицам с многочисленными развалами одежды, продуктов, овощей.

Народ вокруг был разный, в основном небогатый, но явно довольный своей деятельностью и повседневным бытием. Казалось, в их жестах и действиях наблюдалось отсутствие какой-то логики и надежды на богатое будущее, но этот скоропалительный взгляд возникал лишь от незнания и непонимания их повседневной жизни. Он чувствовал, что эти люди намного ближе к природе, и отмечал в них определенный шарм существования.

Последние события, связанные с политической активностью в стране, когда египтян пытались склонить к другому, «демократическому» миропорядку, показали, что их внутренний уклад далеко не так уж уязвим к навязыванию чужой идеологии. И вовсе не спонтанные неоднократные выходы большого количества людей на площадь Тахрир подтвердили эту активную реакцию и гражданскую позицию народа.

Роман Григорьевич был уверен, что преследующие свои интересы иностранные технологи до конца не осознали глубины самовыражения этой нации.

Именно здесь он начал понимать, что большое количество навязываемой информации серьезно губит душу. Даже дикари, племена которых еще проживают в Африке, при всей своей необразованности и замкнутости проживания, по восприятию жизни и легкости мыслей кажутся намного искренней и свободнее. Мы же в их глазах выглядим потерянными рабами, пытающимися возместить свою внутреннюю пустоту жизненных ощущений поиском материального богатства.

«Зашоренные информационными потоками европейцы давно превратились в рабов удовлетворения собственных потребностей», – улыбался про себя Роман Григорьевич, глядя вокруг.

С особым трепетом Роман Григорьевич относился к останкам древней египетской цивилизации. Его поражал философский и

величественный размах сооружений знаменитых пирамид в Гизе, храмовый комплекс Луксора, насыщенный древними знаниями архитектурный ансамбль Александрии и многие другие сооружения в небольших городах, где грациозно сочетаются современные здания и древние строения.

Все это вместе заставляло его чувствовать и размышлять по-иному о вселенной, вечности, о месте человека на земле, смерти и о взаимодействии живого и всего одухотворенного присутствием ушедших.

Одна из мировых жемчужин древней и развивающейся культуры и истории – Каир являл собой непревзойденный колорит живущих в согласии миролюбивых диаспор со множеством унаследованных традиций египтян, арабов и пришедших сюда позднее французов и англичан.

С этими мыслями Роман Григорьевич любил бродить по городу допоздна.

Сегодня он не хотел думать о своей будущей жизни в России. Перестройка не очень благоволила его судьбе. Пришедшие перемены несли больше негатива, и на него свалилось немало неприятностей.

Сын, подающий надежды в молодости, спился, увлекся наркотиками и сделал отца заложником своей слабости и нереализованных амбиций.

Он высылал ему деньги на жизнь и лечение. Но тот постоянно срывался и опять попадал в больницу. Время шло, но надежд на полное излечение не было из-за слабости характера отпрыска.

Его дочь и мать двух любимых внуков перед отъездом заставляла разделить имущество и переписать дачу и машину на нее.

Вот почему возвращение в Москву вызывало у него определенную тревогу.

Раньше любые трудности сменялись переменами и надеждами, новыми поисками и положительными эмоциями преодоления.

Сейчас он чувствовал, что с возрастом может потерять эти надежные жизненные ориентиры. Надвигающееся новое в его жизни щемило сердце холодом пока еще не испытанного страха и приближающейся безысходной старости.

2

Время приезда нового руководителя представительства прошло без малого через три недели и промелькнуло для Романа Григорьевича, будто один день. Он сам поехал встречать его в аэропорт.

Известна была только фамилия приезжающего – Ромащук.

Его удивлению не было предела, когда перед ним предстала молодая женщина чуть более тридцати.

Роман Григорьевич помимо неожиданного изумления был сражен нежным, необычно открытым и обволакивающим взглядом. Неопиcуемый шарм добавляли выющиеся золотом волосы и черты лица. Они были не совсем правильные и даже в некоторой степени резковатые, но яркие и выразительные. Сочетание взгляда и приглушенной улыбки напоминала классическую и неоднократно воспетую прошлыми веками красоту.

Под впечатлением неожиданной встречи Роман Григорьевич был, как во сне.

«Джоконда», – промелькнуло у него в голове.

– Юлия Борисовна, – протянуло ему руку творение Леонардо.

– Роман Григорьевич, – принял он в свою ладонь теплую нежную руку.

Он сразу заметил в ее глазах радостное впечатление от шумного египетского аэропорта, обилия солнца и жизнеутверждающего света. Одновременно он прочитал и необычно радостное спокойствие и уверенность во взгляде Юлии Борисовны. Вся ее внешность говорила будто она, наконец, прибыла, на место, которого ждала всю свою жизнь. Приятный и благосклонный взгляд встречающего благотворно отразился на ее настроении.

После погрузки багажа долго ехали в пробках до офиса практически в полном молчании, если не считать расспросов о Москве и московской погоде.

Роману Григорьевичу показалось, что он уже видел Юлию

Борисовну, когда она была совсем ребенком с пухлыми губами и капризным насупившимся носиком. Он улыбался, как в детстве.

Она с искоркой в глазах встретила эту улыбку, но подчеркнуто сделала вид, что не заметила ее.

Наконец, Роман Григорьевич остановил машину, провел ее по саду в офис.

Он хотел познакомить ее с сотрудниками представительства.

Юлия Борисовна весело вошла в офис, перевела взгляд на его обстановку и остановилась на расписном арабской вязью потолке.

– Как у вас здесь красиво.

– Мы привыкли к этому...

– ...Яркие росписи, – продолжала восхищаться гостя.

После непродолжительного знакомства Юлии Борисовны с будущими коллегами Роман Григорьевич повез ее в гостиницу, которая находилась не очень далеко от представительства.

В дороге он завязал разговор:

– Вам еще предстоит многое узнать,... я вам покажу... и расскажу, – искренне произнес Роман Григорьевич.

– Спасибо,... буду признательна, – с улыбкой младенца откликнулась она, – На потолке и стенах было много странных изображений... какие-то экзотические рисунки.

– Это древнеегипетские символы.

– Они очень привлекательны.

– Они удивительные, – загорелся Роман Григорьевич, – Это древние амулеты и египетский алфавит.

– Они вовсе не похожи на алфавит... Например,... птица или змея...

– Священная птица Ибис символизирует знание науки, магии, изобретательство и соответствует латинской букве «А»... А тело змеи или даже веревка – символ судьбы.

– ...Никогда не думала, что змея имеет что-то общее с веревкой...

– Она не кусает, а оберегает. Египтяне своеобразно понимали зло... и оно было неотделимо от добра. Поэтому в религиозных

обычаях масса амулетов и оберегов. Это и Скарабей, Пряжка, Подушка, Коршун, Золотой Воротник, Лестница, Два пальца, Голова змеи, Ступени, Лягушка...

– Как их много!... А что-то похожее на глаз или цветок с крыльями?.

– Всевидящее Око Гора... Древние египтяне считали, что этот глаз исцеляет... Тут много таинственного... Цветок лотоса символизирует созидание, возрождение. Крылья – гармония, а перо страуса – один из важнейших атрибутов справедливости. По нему судят поступки человека после смерти... В «Книге мертвых» упоминается о взвешивании сердца человека при переходе в иной мир на «суде богов».

– Почему только сердце?

– Сердце, любящее, трепещущее..., считали частичкой солнечного дыхания.

– Интересно...

После паузы Роман Григорьевич продолжил:

– Книга мертвых поразительно интересна... Существует символ БА – нечто похожее на душу человека. Изображался он в виде птицы ястреб с человеческой головой. После смерти БА покидает тело, днем делает благие дела, а ночью возвращается к умершему. Чтобы БА нашел свое тело, на лицо умершего надевают посмертную маску, так как мумифицированное лицо может со временем исказиться... Есть еще и символ КА – духовный астральный двойник человека. Он изображается, как две простертые руки. КА рождается вместе с человеком, и после его смерти продолжает жить.

– ...Все так непонятно загадочно...

Роман Григорьевич на минуту задумался.

– Этими языческими символами египтяне пытались осмыслить окружающий мир и природные явления. Они пытались найти наилучший способ собственного существования, пытаясь даже описать и загробную жизнь. Реальную жизнь они представляли в виде дня – от восхода до захода солнца, а загробную олицетворяли с ночью. Процесс смерти у них назывался очень просто – «выходом из дня».

– Не может быть! Как просто!

– Хорошо, что в первый же день вы на все это обратили внимание... и разглядели...

– И вы так подробно... мне рассказали.

– Далеко не все... Эта страна пронизана глубокой философией, до конца не разгаданной и, ... возможно, более разумной, чем современная.

– Вы так считаете?

– Иногда приходят такие мысли, – задумчиво произнес Роман Григорьевич, когда они подъехали к гостинице.

Он проводил Юлию Борисовну в отель, рассказал как лучше пользоваться его услугами, проверил качество и обстановку номера, помог заказать ужин. Юлия Борисовна, не чувствуя большой уверенности, не стеснялась и спрашивала его обо всем. Потом она решила его проводить к выходу.

Они спустились в вестибюль отеля. Роман Григорьевич, тоже не желающий быстро расставаться, попросил обслугу принести чаю. Они сели за столиком у окна гостиницы и сделали по глотку превосходного местного напитка.

– Вы так интересно рассказывали о «Книге мертвых»... Кажется странным, для какой цели египтяне мумифицировали мертвых?

– Это не может быть простой сказкой... за этим стоит глубокая осмысленная фантазия-либо непонятая истина...

– Сейчас замораживают трупы, чтобы сохранить живую ткань с целью возможного оживления, лечения с применением будущих технологий, – надеясь на то, что он еще посидит с ней в незнакомом месте, продолжила Юлия Борисовна.

Посмотрев доброжелательно на спутницу и также желая prolongировать общение, он доверил ей свои мысли:

– Сохраняя человеческие тела в виде мумий, египтяне, возможно, понимали, что каждая жизнь неповторима... и хотели как можно дольше сберечь ее...

– Для кого?

– Мумии – самая лучшая информация о прошлом. Надо научиться ее читать... И самое главное быть услышанными.

– Но кем?... И для чего?

– Не знаю... Богом... Космосом... Людьми... Сегодня генетики могут восстановить живую ткань по клетке индивидуума, которая неповторима.

– Так они сохраняли клетку до наших дней?

– Мумия дает возможность жить астральному КА... А значит – и влиять на мир своей мистикой и силой воли.

– Значит, человек не пропадает совсем...

– Именно... Древние знали, что остается генетический код, но называли его по-иному... Этим они символизировали бессмертие... Вы не обратили внимание на своеобразный символ - крест с кругом вверху?

– Да, красивый крестик.

– Это символ вечной жизни, единства мужского и женского начала или овал Исида и крест Осириса... Крест символ жизни, а круг – сама вечность...

– Похож на наш, но намного изящней.

– Сам по себе христианский крест вышел именно из этого символа...

Он внимательно посмотрел на молодую женщину.

– По легенде, злой Сет подстерел и убил Осириса – бога возрождения. Сет расчленил его тело, разбросал и спрятал в потаенных местах. Жена Осириса Исида нашла и соединила все части тела своего мужа, сделав мумию, чтобы сохранить его душу для людей.

– Странно.

– Согласно египетским преданиям, пока жива мумия, частица души КА живет вместе с ней и влияет на мир.

– Как интересно! – удивленно воскликнула девушка.

– Существует еще одна легенда или скорее давняя быль, – продолжал Роман Григорьевич, – Мумия придворной певицы фараона Эхнатона, знаменитой Анксунамун, перевозилась в начале прошлого века из Европы в США на знаменитом «Титанике».

– И она погибла?

– Естественно, мумия погибла. Но самое интересное в том, что при жизни Анксунамун была знаменита своими предсказани-

ями. Так вот, она предсказала свой неожиданный конец в темной морской пучине.

– Вот это да!

Юлия Борисовна чуть вздохнула.

– Странно, что египтяне пытались ввести законы жизни в загробный мир.

– Почему странно? Это их взгляды на мир... Они верили в это.

– А во что верим мы? ...И стала ли лучше жизнь от нашего неверия ни во что? – задумалась Юлия.

Роман Григорьевич посмотрел на нее с восхищением.

«Она смотрит вперед, словно сфинкс» – промелькнуло у него в голове.

Юлия опять заговорила, глядя в даль:

– Трудно сказать, поняли ли они загробный мир...

– Во всяком случае, они создали это пространство... и были близки к его пониманию.

– Да!... И как просто!

Роман Григорьевич в запале продолжал:

– Освобождение духа,... страх,... жертвенность – вот основы их буквы смерти. Они твердо верили в это, когда создавали «Книгу мертвых».

– Наверно, вы правы...

– Ясно одно: египтяне были более гармоничны, воспринимая правильно дух и материю.

Они замолчали и смотрели друг на друга.

– Много впечатлений за один день, – закончил Роман Григорьевич, – Сегодня у вас был день перемены обстановки, перелет... Вы устали...

– Да, конечно,... Боюсь что сегодня трудно будет уснуть... Но все так удивительно интересно... вы меня заинтриговали.

– Для удивлений у вас еще все впереди, но после перелета вам надо отдохнуть, – прощаясь, Роман Григорьевич ласково посмотрел на собеседницу.

Она ответила ему приятной улыбкой.